

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

ЛИДИЯ ОБУХОВА

ДАВНЫМ-ДАВНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1986

Балтійское море

Словѣнѣ

Волга

Зап. Двина

Ока

Висла

Рѣчи

Вятичи

Радимичи

Древляне

Поляне

Дніпр

Дон

Волга

Дністр

Чёрное море

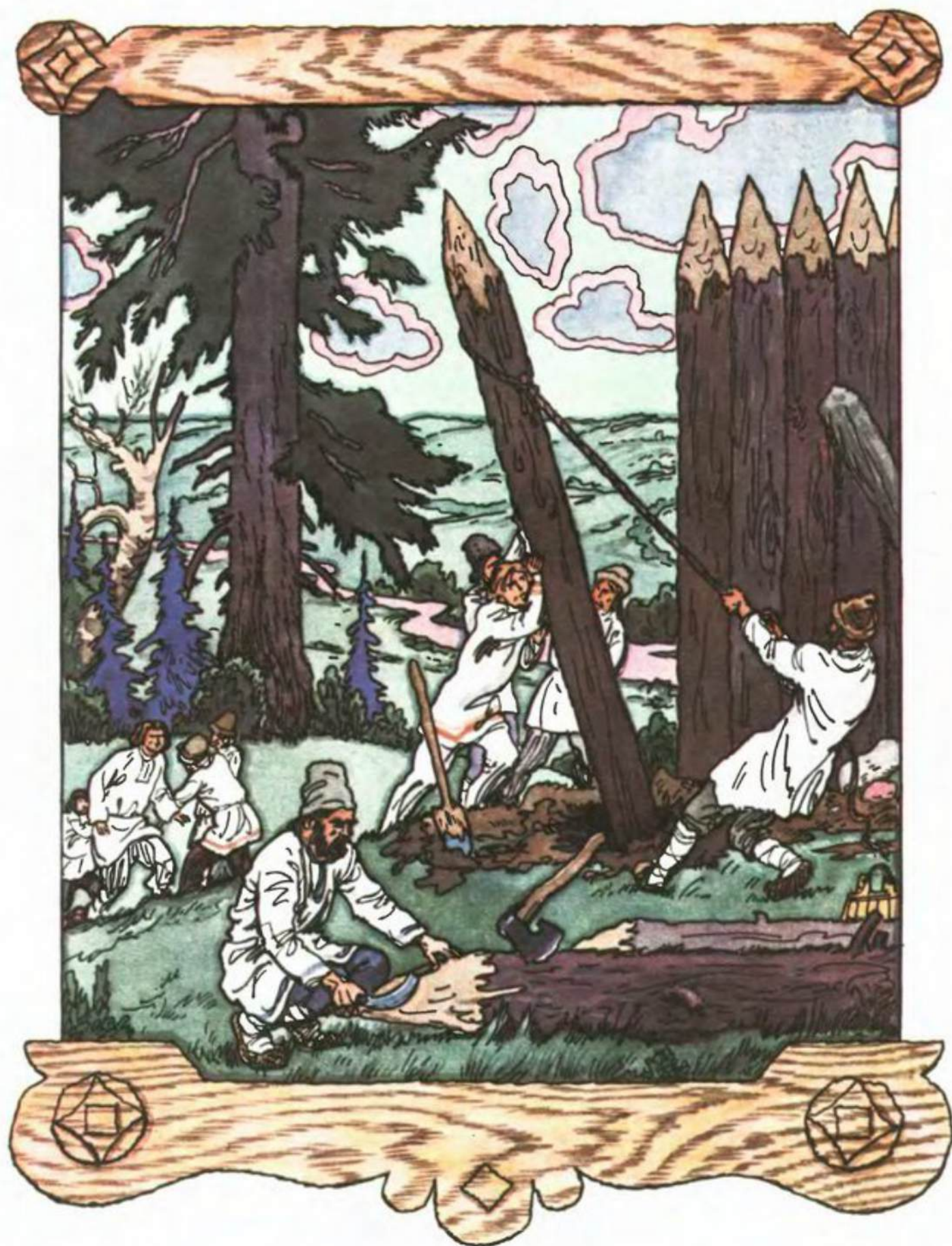
ЛИДИЯ ОБУХОВА

ДАВНЫМ-ДАВНО

*Рассказ о жизни
древних славян*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1986

О ЧЁМ ЭТА КНИГА

На реке Западной Двине, которая впадает в Балтийское море, в среднем её течении, раскинулся город Витебск.

Днём рождения города считается тот, когда его название впервые упоминается в каком-нибудь древнем документе. Для Витебска такой датой стал десятый век нашей эры. Будто бы плыла тогда по Западной Двине киевская княгиня Ольга со своей военной дружиной, увидела лесистый холм при устье реки Витьбы и решила остановиться отдохнуть. Велела срубить походную крепость. Так написано в летописи.

Ну, а что же было на том холме до летописи? Пустое дикое место? Вовсе нет. И раньше окрест жили люди, называемые славянами. Селенья их были редки, малочисленны. Каждый род вырубал себе пустошь под избы и пашню. Несколько родов составляло племя. На реках Западной Двине и Витьбе жило племя кривичей; на Днепре — поляне и древляне; на реке Сож — радимичи; на Оке — вятичи. Но язык у всех был общий, славянский.

Кривичи охотились на зверя — кабанов, медведей, косуль, собирали мёд диких пчёл. Лесные края стали им родиной. Лес обогрел их берёзой, обстроил дубом, обул липовым лыком, из которого плели лапти.

О жизни древних славян на реке Витьбе рассказывает наша книга.

НА ПРИБРЕЖНОМ ХОЛМЕ

е первые славяне-кривичи, которые взошли на лесистый холм, назвали себя витьбичами — по реке Витьбе. Место показалось им пригодно для жилья. Безопасное. С одной стороны холм защищала полноводная река Двина, которая несла свои воды к Балтийскому морю. А с другой, прихотливо огибая холм, бежала резвая Витьба. Она впадает в Двину.

Берега у обеих рек крутые. Пока враг подступит, вскарабкается на холм, витьбичи встретят его калёными стрелами из-за частокола. Каждое поселение обносили высокой бревенчатой стеной.

Домов за высокой стеной не видать. Избушки были невелики, до половины уходили в землю. Крыши настилали в два ската камышом или соломенными снопами, для прочности обмазывали их сырой глиной. Оконца из бычьего пузыря раздвигались, чтобы выпустить наружу дым: печь из камней и глины топилась по-чёрному, без трубы.

На самой высокой сосне в городище устроена сторожевая вышка. Поднимались на неё не по лестнице, а по шесту с перекладинами. Такой шест легко поднять вверх — и вот уже дозорный, как в крепости.

С вышки далеко видно. Если бдительный страж замечал, что подбираются недобрые пришельцы к селению, тотчас поднимал тревогу. На вышке зажигали костёр с густым дымом, оповещали соседей.

За короткий срок все ближние селенья узнавали по дымам об опасности и сходились вместе, чтобы отразить врагов.

ЗАВИДИЧИ

емалая семья была у старого Завидича! Жил с ним взрослый сын по имени Тишата. Жену Тишаты, родом из дальнего городища на реке Полоте, все звали просто Полочанкой. Было трое внуков: старший Братило, младший Дубок и маленькая их сестрёнка Милава.

Завидич славился как зверолов. Смолоду ходил на медведя с рогатиной, один на один. Руками душил без страха диких кошек — рысей. Головешками из костра отбивался от волчьей стаи.

Сын его, Тишата-древозлазец, тоже жил лесом, бортничал. Он забирался в дремучую чащу, разыскивал в дуплах ульи диких пчёл — их называли бортями, влезал по стволу на высокое дерево, привязывал себя к стволу поясом и доставал из дупла полные мёдом соты. Пчёлы долго летели за ним следом, сердито жужжали.

В избе Завидичей соты складывали в липовые кадушки. Потом выменивали на них да на шкуры, добытые дедом, у про-

плывавших мимо по Двине торговых людей железные ножи, топоры, яркие ткани, янтарные бусы с балтийского берега.

Река была, словно большая дорога. Переходя из одного протока в другой, кое-где перетаскивая челны по сухому месту волоком, путешественники от холодного Балтийского моря, которое тогда называлось Варяжским, доплывали до Чёрного моря, где жили греки. Весь путь так и назывался: из варяг в греки.

о вот случилось у витьбичей несчастье. Стояло сухое, знойное лето. Со всех сторон тянуло гарью лесных пожаров. Нива не уродила ни колоска. Дождей не выпадало, и земля спеклась, стала серой, как пепел. Где ранее булькало болото, ныне тлел раскалённый торф.

За единый год Братило, Дубок и плакавшая в люльке Милава стали круглыми сиротами.

Отец, древолазец Тишата, сорвался с дерева, спасая от подступавшего огня богатую пчелиную бортъ.

Мать безутешно горевала по мужу. Однажды она ушла из дому рано, до жары, щипать орехи в береговых зарослях, и спускалась по откосу всё ниже, к самой воде: орехов уродилось мало. Вдовица отстала от подруг, утомилась, присела на камень, там, где отмель далеко забегала от берега в реку. Занятая своими грустными мыслями, она следила за тем, как синие стрекозы перелетали с камушка на камушек, и вовсе не заметила, что остроносая варяжская ладья под полосатым парусом воровато выплыла из-за берегового уступа. Речные разбойники схватили красавицу Полочанку и силой увезли с собою.

Пока другие женщины, которые видели всё это издалека, подняли крик, прибежали запыхавшись в городище, пока мужи схватили луки со стрелами,— ничего, кроме оброненного лукошка с горстью орехов да узорного платка с головы похищенной, на берегу уже не нашли.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

ед Завидич остался один с внуками. Дубок и Милава были ещё совсем малы. На старика легла нелёгкая забота: как прокормить и вырастить сирот? В своих хлопотах он не заметил, что старший внук Брати́ло стал о чём-то задумываться, затаился. Не мог он, видно, смириться с потерей матери!

Прошло гневное лето. Пал снег на гари и пустоши. Весною буйно пошла в рост трава.

Витьбичи вышли с песнями на свои пашни, усердно тянули ель-суковатку, рыхля обрубленными сучьями почву. Дружно взошло посеянное жито. Закачались под влажным ветром просынные метёлочки.

И Брати́ло, не жалея сил, тянул суковатку. И Брати́ло дождался спелых колосьев, серпом сжал хлебную ниву. Лишь осенью отпросился у деда в соседнее городище выменять на просо льняного полотна для новой одежды.

Больше он не воротился. Пристал к чьей-то ладье, что плыла по реке в дальние земли. Велел передать деду, что сыщёт мать.

Старик не очень огорчился. Что старший внук захотел по-видать свет, его не удивило. Хотя и не вызвало одобрения. Ему-то витебское городище казалось самым обжитым: и пашни вокруг него, и бор велик, и гора над Витьбою. Он знал в окрестностях каждое дерево, любую муравьиную кучу, понимал следы зверей и заломы веток.

На лесных тропах оставлял собственную мету, доставшуюся ему ещё от отца, старого Завида, по которому и звались они все Завидичами.

Дед ждал Брати́лу вскорости обратно. Сам он нигде больше не был.

Знал, что есть витьбичи да полочане — кровные братья, да древляне со словенами, да лесные жители, чужь с мерей. В южной степи кочуют печенегы на проворных конях. За холодным морем живут варяги-мореходцы... Все держатся своего племени. Земля казалась ему мала.

ДУБОК-РЫБАРЬ

Дубок на ногу лёгок, на работу удачлив. Только нипочём не захотел промышлять лесом: ни охотиться, ни бортничать. Знать, напугался сызмала лесного пожара. Стал он пасти на открытых полянах скот. Мал пастушонок, а коровы доились у него обильнее, чем у других. И волки их не задирали.

В избе Завидичей снова стало сытно, весело.

Когда сил прибавилось, Дубок стал управляться с вёслами. Дед помог ему выдолбить лодку из цельного ствола. Подросшая Милава сплела сеть с крупной ячейей — мелкой рыбёшки Дубок не брал. Ловил он стерлядей, жирных сазанов да лещей. Стали его на городище уважительно называть: рыбарь Дубок.

Всякий раз он возвращался на долбянке, тяжело нагруженной уловом. Течение само несло лодку от быстрины к береговым уступам. Глубокая Двина казалась почти чёрной, но на поворотах-излучинах река вымывала узкие полосы песка, чистого, как серебро.

На широких плёсах, где гладкое дно и тихое течение давали гребцу отдых, Дубок слегка откидывался, освобождал грудь для вдоха. Сладок запах воды! Смолист аромат ближнего бора. Полузатонувшее дерево долго плыло рядом с его лодкой, выставив ветви, похожие на лосиные рога. А в другой раз плывущего лося не отличишь от дерева!

Дубок не столь широк костью, сколько высок ростом. Плечи у него прямые, волосы светлее льна. Нрав переменчивый: то замрёт без движения, вперив в небо взгляд, синие глаза мечтательно затуманятся, а то вдруг каждая жилка в нём заиграет. Смеётся, радуется чему-то.

— Не прост ты, чадо, — вздыхал дед. — По матери своей пошёл, по Полочанке.

МИЛАВА

Поча Дубок рыбарил, а дед Завидич подновлял в избе сосновые лавки или готовил к осени липовые кадушки для засолки овощей, сколачивал объёмистые лари для хранения зерна, во дворе Милава старательно лепила на летнем солнцепёке глиняные горшки и блюда или хлопотала по дому, варила на очаге похлёбку. Зимой неутомимо волокла на санях из лесу хворост. Она умела всё.

Дед Завидич в старости сделался пуглив: а вдруг и эти двое, последние, захотят покинуть его? Уйдут? Неслышно подходил к внучке, вглядывался в мельканье проворных рук.

Без материнского глаза, без отцовской науки Милава Тишатишна росла неприметно, как ландыш-молодик в тени. Ей едва сравнялось четырнадцать лет, а вымахала — что тебе молодая ель: стройна, высока. Только в повадках осталось много детского: смеялась громко, заливисто, от души; любила дразнить брата. А при первых заморозках выбегала босиком, разбивала из озорства пятками лёд на лужах.

Когда приходил гость из соседнего селенья, рассказывал про игрища на лесной поляне, как девушки и парни, взявшись

за руки, прыгают через костёр, Милава смотрела на него во все глаза. Ей тоже хотелось на такой праздник!

— Мала ещё,— ворчал дед.

А если гость, бывалый человек, рассказывал про чужие земли на пути к тёплому морю, где и люди иные, и деревья растут пышнее, Милава не стыдась утирала слёзы. В тех далёких краях бродит, может быть, её старший брат. Вернется ли когда-нибудь? Жив ли ещё?

Пересилив себя, вспоминала, что в доме она хозяйка. Потчевала гостя гороховым киселём, печёной рыбой с мёдом. И сама понемногу веселела. Милава была сладёной!

ЛЕГЕНДА О ВИТЬБЕ-РЕКЕ

огда все работы на полях кончались — хлебные снопы были свезены и обмолочены, овощи засолены в кадушках, в кладовых на зиму запасены окорока диких свиней — вебрей — долгими зимними вечерами к Завидичам набивалась полная изба: послушать рассказы деда.

Старик Завидич слыл выдумщиком, сказочником. Хотел он своими рассказами не только позабавить соседей, но и прельстить внуков, чтобы те гордились родным городищем, не помышляли об уходе.

Дубок устраивался поближе к светцу с пучком горящих берёзовых лучин. Без дела не сидел: резал дерево, плёл сеть.

Непоседливая Милава норовила ускользнуть к подружкам, покидаться во дворе свежими снежками, но дед от порога тянул её за подол обратно:

— Присядь рядом, Милавушка! Уважь деда.

Сказ его тёк медленно, но всё-таки неизмеримо быстрее, чем проходили века, пока двигались витьбичи к своему холму.

Были они сначала племенем безымянным и шли издалека, с Чёрных гор. Высоки, заросли тёмным лесом те горы, оттого и назывались Чёрными.

Тогда ещё деревья не онемели, как ныне, лес был живой: ветви у дерева — руки, маленькие сучки — пальцы. Старались деревья удержать людей в лесу.

Но люди хотели увидеть новые земли и уходили от деревьев без жалости.

Была в племени девушка по имени Радуница. Всё ей казалось интересным. Пчела ли загудит — обернётся вслед. Дым чужого костра увидит — подойдёт, познакомится. Всё ей хотелось знать. И так она была умом быстра, лицом пригожа, что деревья ей говорили: «Останься с нами, будь белой берёзой или серой ивушкой. Мы тебя от ветра укроем». Звери вторили: «Живи золотой косулей между косулями или с рысями, как быстрая рысь. Мы тебя не обидим!» А чужие люди просили: «Будь женою любимой, сестрой названной, дочерью милой!» Но она лишь благодарила и догоняла своих.

Однажды спохватилась, что племя далеко ушло: ни следов на земле, ни голосов не слышно. А лес вокруг частоколом сомкнулся. Испугалась девушка, горько заплакала. Стала петлять между деревьями, огибать колючие кусты. Так бежала, что слёзы, которые она лила, еле-еле за нею поспевали, сначала ручейком, а потом рекою. И кружила та река по девичьим следам, как кружево, вилась витьбою, изгибалась да выворачивалась на поворотах.

А когда девушка догнала своих соплеменников, увидели люди, что плывёт за нею по речной воде ель-суковатка (соха по-нашему) и колода-борт, полная мёду. Лесные подарки.

— От той поры,— закончил дед Завидич свой рассказ,— мы, витьбичи, рыхлим пашню, и она нас кормит. Здесь наша земля. Полочане селились по Полоти, витьбичи по Витьбе. Так и будет до конца времён!

— Дивно,— шептала Милава.— Может, и вправду лучше витьбянского края нет?

А про себя думала: отчего же тогда не возвращается домой Братилю? Не худо ли ему там, на чужой стороне?

Чем старше становилась Милава, тем чаще вспоминала брата. Проезжих людей, что шли рекою от греков в варяги, спрашивала: не встречали ли где Братилю Тишатича из рода Завидичей? Тайком выходила на берег, заслоняла глаза ладошкой от яркого солнца, вглядывалась в южную сторону: не плывёт ли на чужеземной ладье её брат?

Поверяла буйному ветру горькие жалобы: «Где ты, братушка? Вспоминаешь ли своих кровных — нас с Дубком да старого деда?..»

Ветер подхватывал Милавин голос, мчал его в чужие пределы. Может, и услышит дальний зов скиталец?

ЧЕСТЬ И МЕСТО, СТАРШИЙ БРАТ!

Братилю уходил с родного городища неоперившимся юношей и сам ещё не знал, на что пускается! Разнообразие народов, огромность земли удивили его. В своих скитаниях он повидал многое. Был стрелян стрелами и посечен мечами. Оборонялся копьём против степняков-кочевников. Был пленён хазарами и продан в рабство на невольничьем рынке в греческом городе Феодосии.

Но однажды ночью перебил цепи, кинулся в горькую морскую воду и плыл, захлёбываясь, пока не прибило его на рассвете к берегу.

Странствуя по степи то в одиночку, а то с товарищами, таким же бродячим человеком, как он сам, упорно пробирался к лесной Витьбе, к дому...

И вот одним ясным ранним утром дед Завидич, прослезясь, дрожащими руками обнял внука.

Дубок, лишь смутно припоминая братние черты, молча поклонился тому в пояс, исподтишка любопытно рассматривая диковинную заморскую одежду: один рукав вдет, а другое плечо внакидку.

Милава вовсе задичилась брата, как чужого. Оробела, спряталась. А ведь сбылись, наконец, её мечты! Братило воротился.

Когда долгожданному пришельцу истопили жаркую баню, Дубок, хлеща его берёзовым веником, увидел по всему телу

брата шрамы — на груди, на плечах. Но откуда они, спросить не посмел.

Братило отвык от спокойного течения жизни, от родного городища. Землянка казалась ему теперь тесной и тёмной. Молча сладил он длинную телегу на тяжёлых колёсах, сделанных из сплошного среза широкого соснового пня, запряг лошадь и ушёл в чащу рубить стволы. Обтесал их, начал складывать новую избу. Дубок ходил в помощниках и только успевал перенимать братнее умение. Тот, видно, был доволен; начал изредка ронять слова. Рассказывать, как живут люди в дальних землях. Дома они ставят высоко, а не зарывают в земляные норы, как витьбичи. Умеют ковать крепкие мечи да топоры, острые косы и серпы. А на городище до сих пор выменивают их на звериные шкуры, медовые соты.

Стало обидно Дубку за родное племя. Готов уже был вспылить, да опомнился: ведь он младший брат. Ответил покорно:

— Ты старше меня. В доме ты хозяин. Как скажешь — так исполнять буду.

Братило положил руку Дубку на плечо. Только сейчас он почувствовал по-настоящему, что вернулся в свой род, к своему очагу, где скитальцу честь и место.

КОВАЧ

Братило скоро стал первым человеком на городище. Он умел врачевать раны, добывать из болотных камней железо, плавить его в домнице, ковать ножи и серпы.

Для витьбичей это дело было новое, а всё новое поначалу пугает.

Наковальню Братило вынес за ворота городища, в ближний лесок, под берёзы.

Удары молота доносились теперь глухо. Витьбичи верили, что в тяжком дыму плавильни Братиле открываются неведомые тайны. Что ковач может накликать на человека беду или же отогнать злые силы.

Один Дубок отваживался подходить к горну. Он и помогал брату копать круглую яму под домницу, густо обмазывал её глиной, оставив отверстие, соединённое с мехами. Братило говорил:

— Раздувает огонь воздух, который нагнетают мехи.

Но даже Дубку становилось страшно, когда в печи заревом разгоралось над кузницей багровое пламя и огромная тень ковача падала на землю. Дубок опасался ступить на эту тень.

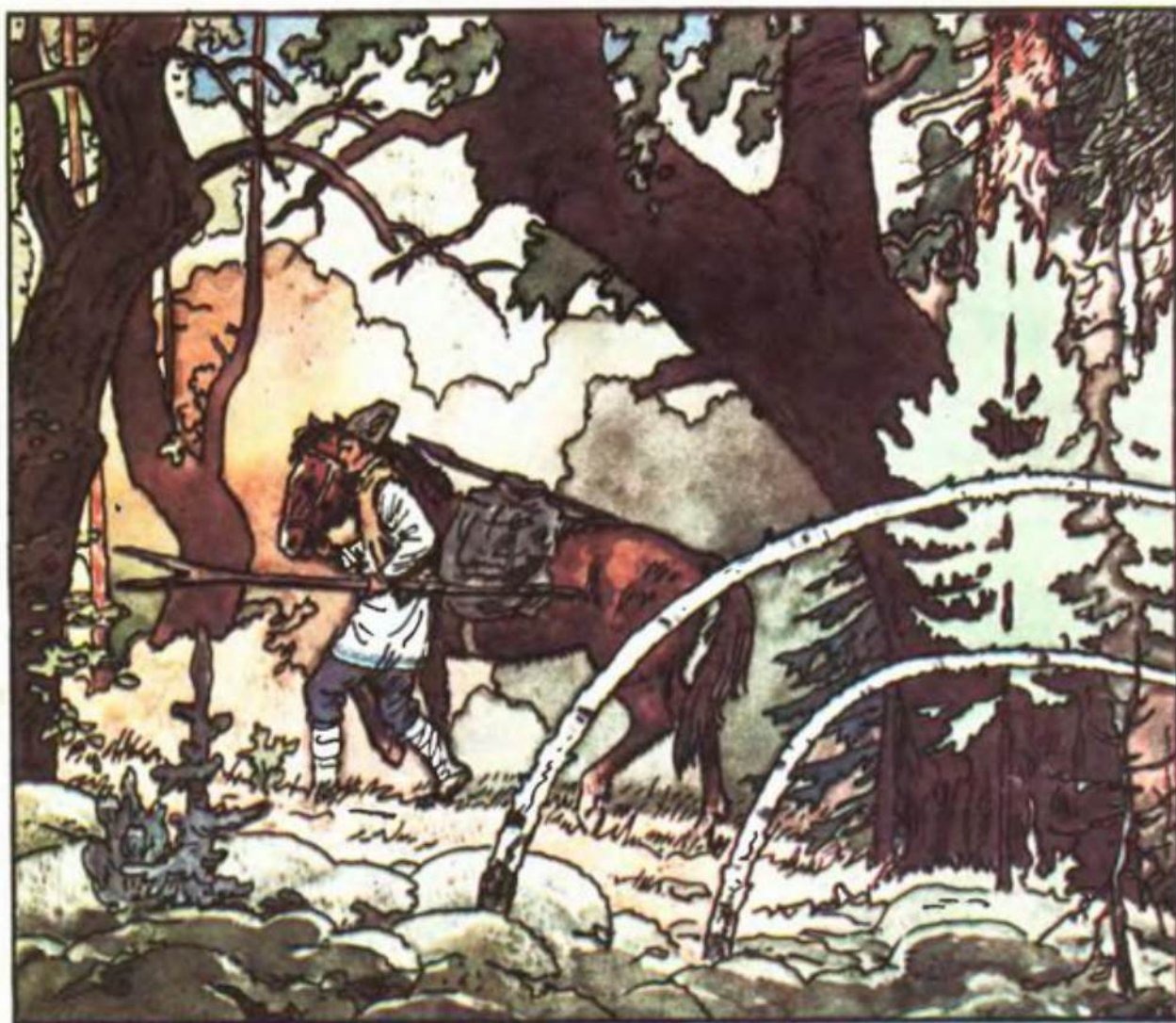
Братило Тишатич стал с годами могуч, крепок мышцами. Глаза у него были серые до черноты под нависшими бровями. Голос густой, низкий, гудел, будто труба.

ЗА ЖЕЛЕЗНЫМИ КАМНЯМИ

В лесные пущи Брати́ло уходил всегда один, ведя на поводу коня с перекинутыми мешками для железных камней. К седлу привьючивал заострённый щуп: им он станет разведывать береговые обрывы лесных озёр, шевелить тину в болоте. Там на корневищах и нарастают железистые отложения.

Звериной тропой, с рогатиной наготове, Брати́ло не спеша пробирался вдоль Двины. По берегу стояли, как пики, островерхие ели. Из глубины лесов, будто из тёмного погреба, вытекала Витьба — витая река.

Отыскивая брод у Витьбы, путник зорко следил, как под водой, играя, вскипают перекааты.

Выбрав пологий склон и понукая коня, Брати́ло взошёл по косогору. В сырых папоротниках звери протоптали след к водопою. Трещали сучья под копытами коня.

Внезапно он вышел из чащи на поляну, освещённую заходящим солнцем. Она была, как раскрытая дружеская ладонь!

Морщины спали со лба Брати́лы, суровые губы сами собою сложились в улыбку. Здесь, на мягкой мураве, он и собирался устроить себе ночлег, разложить костёр...

ВСТРЕЧА

Вдруг в меркнушем воздухе прозвучала пастушеская свирель, словно где-то неподалёку гнали стадо.

Брати́ло пошёл на звуки дудочки. Кто мог жить поблизости, он не знал.

Из густой травы навстречу ему потёк жёлтый, как мёд, песок, выдавая прежнее русло ручья, высохшего или изменившего течение. Песок был истоптан коровьими копытами.

Брати́ло ещё не заметил ни жилья, ни изгороди, как был остановлен тремя чёрными лохматыми псами.

Окружив его, собаки подали голос. В чаще зашуршало, и тотчас сквозь куст орешника в лицо ему нацелилась стрела. Но лук был велик, а стрела натянута слабо, будто детской рукой. Сестра Милава так баловалась с оружием.

— Мир тебе, родович,— сказал Брати́ло громко.— Я с витебского городища. Дашь хлеба-соли — отведаю. Не ко времени гость — пойду дальше.

— Мир и тебе,— ответил ломкий голос из-за орехового куста.— Гадай, Седатый, Пучина, подь ко мне!

Псы отступили на шаг и закрыли пасти. Брати́ло подумал, что не ошибся, угадав в лучнике малолетка. Из-за дерева выступила стройная фигура. Но то был не юнец, а девушка. Её холщовая рубаха перепоясана сыромятным ремнём с дорожной

сумой на перевязи. Косы убраны под высокую шапку. На ногах сапоги из шкуры, мехом внутрь, чтоб не цеплялись колючки.

— Пешим идёшь? — спросила она, разглядывая нежданного гостя.

— Нет. Конь в пуще привязан.

— Веди за мною. В лесу его волки задерут.

Она пошла вперёд не оглядываясь. Псы недоверчиво крались следом за Братилой.

— Как тебя звать? — спросил Братило.

Она отозвалась с доверьем:

— Зарислава.

«СТАНЬ МНЕ ЖЕНОЮ, КРАСНА ДЕВИЦА!»

Они приблизились к высокому тыну. Зарислава отвалила воротину из дубового тёса. Двор оказался обширен, как малое городище.

Зарислава ловко вдвинула засов обратно в дубовую скобу и с поклоном пригласила гостя в жилище.

В горнице хозяйка распустила сыромятный пояс, скинула островерхую шапку.

На спину упали тугие косы.

Лук с колчаном она поставила к порогу. Засветила огонёк в глиняной чашке. По углам пустой горницы зашевелились мохнатые тени.

Братило узнал, что она была старшей дочерью витьбича, давным-давно выселившегося с семьёй на особицу. Да вот беда, прошлой зимой их всех — отца с матерью и меньших детей, свалила болезнь — огневица. Одна Зарислава перемоглась, выжила.

— И ты с тех пор в одиночку управляешься? Как же это?! — спросил Братило с горячим участием.

— Сама не ведаю как! Злых людей, лиходеев, мимо не хаживало. Ниву вспахала и засеяла как сумела: кони сами борозду знают. Сжала и снопы обмолотила, крупы на зиму натёрла. Скоту худо: до весны солому едят, сена мне не накосить одной. Топлю тоже сучьями: дерево грозой свалит, а порубить сил нет.

Братило поспешно встал с лавки.

— Где топор? Дай, нарублю.

Она усмехнулась.

— Куда? Темь во дворе. Дождись солнышка.

— Не хочешь ли уйти со мной обратно к витьбичам? — спросил он погодя.

Зарислава ответила, что там она будет чужая всем. А здесь у неё родной дом.

— Как же я тебя покину одну? — сказал Братило задумчиво. — Негоже человека оставлять без помощи.

— Да ты сам-то чей будешь? — спросила девушка.

Только тут, спохватившись, рассказал ей, что он кузнец,

звать Братилой, родом витьбич, хотя ходил по многим землям. А сейчас собрался к дальним болотам за железными камнями. Дома у него остался дед Завидич, брат Дубок и сестра Милава. А жены ещё нет.

— Женьитьба дело не простое,— сказала Зарислава, глядя испытующе ему в глаза.

— Дело это доброе,— ответил честный Братило.— Не хочешь идти на городище, прими меня в свой дом. Поставлю кузницу во дворе: народ станет к нам приходить отовсюду. Весело заживём! А тебе смастерю серёжки и перстенёк. Согласна ли, красна девица, стать моей женою?

Зарислава смутилась.

— Будешь возвращаться с болот, пожалуй снова ко мне. Поговорим ладом,— сказала, потупившись.

БРАТИЧИ

Как Брати́ло вторично ушёл из витебского городища и положил начало новому селенью. Стали здесь ставить жилища пришлые люди из разных мест. Крепкая бревенчатая стена опоясала новое городище. Здесь вырыли колодец и возвели сторожевую вышку.

Милаву тоже засватали сюда же: полюбилась она соседу и помощнику Братилы.

Один Дубок остался на прежнем месте, в избе Завидичей. Рыбаку надобно жить вблизи реки. Но он часто навещал старшего брата, не переставая изумляться дивному его ремеслу.

Да уж топоров и ножей, браслетов и колец, подобных Братиным, не было ни у кого на свете! Торговые гости подплывали к витебскому холму, оставляли ладьи и пешком шли лесной дорогой, чтобы выменять у кузнеца его знаменитые изделия.

Семью кузнеца, его детей и внуков стали называть Братилевичами. Само селенье получило название Братичей. Жили там дружно и работяще. Оправдывали название. От отца к сыну передавали умение честно трудиться, старательно засеять пашню, на совесть рубить избы, затейливо ковать железо. Крепко любили они лесную сторону — свою Отчизну! Никому не давали её в обиду.

Так с тех пор и повелось на нашей земле: чужого не надобно, но брат за брата стоит до последнего.

Для младшего школьного возраста
Лидия Алексеевна Обухова
ДАВНЫМ-ДАВНО

Рассказ

Художник Л. Хайлов

Редактор Е. Позина. Художественный редактор Н. Молоканова. Технический редактор Ю. Бурмистрова. Корректор Н. Пьяникова.

ИБ № 1931

Сдано в набор 10.04.85. Подписано в печать 10.01.86. 60×90/16. Бум. офс. № 1. Гарнитура — балтика. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 2,31. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1359. Заказ № 1760. Цена 20 коп. Издательство «Малыш», 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Республиканская ордена «Знак Почета» типография имени П. Ф. Анюхина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

О $\frac{4803010102-038}{M102(03)-86}$ 74—86

© Издательство «Малыш», 1986